

Алена Загоруй

Кощей был смертным

Алена Загоруй

Кощей был смертным

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68696994

SelfPub; 2022

Аннотация

Все мы помним, как в детстве нам рассказывали сказки. Сказки часто становятся самыми первыми книгами в нашей жизни. Но что, если хорошо знакомые с детства истории совсем не то, чем кажутся? Могут ли любимые персонажи нас по-настоящему удивить? Ясно лишь одно: неизменная сила всепобеждающей любви.

Алена Загоруй

Кощей был смертным

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был добрый молодец. Красою и статью, умом, смекалкой и нежностью сердца отличался он с юных лет. И вот в положенный срок случилось так, что он полюбил. Всем сердцем полюбил он деву, что была прекрасна, как первоцвет на весеннем лугу. Но краса ее была лишь узорчатым пологом. Холодна и жестока была та дева. С презрением отвергла она юношу и только посмеялась над его пылкой страстью. Сердце молодца сковали ледяные цепи кручины, и не было конца тоске и горю его. Он превратился в бескровную тень, и день за днем бродил он в лесах и полях, вдали от людей, в надежде, что, диким ли зверем растерзан, иль поглощен болотом, встретит он свою смерть. Но ни зверь, ни топь коварная не тронули прекрасного юношу, и боль его была бесконечна и неотступна. И тогда решил он пойти напрямик в само царство Смерти. Долго ли, коротко ли шел он, но наконец предстал перед самую Смертью. И взмолился юноша:

- Сердце мое терзается невыносимой болью, и нет мне ни избавления, ни покоя. Почему же *Ты* не приходишь за мной?
- Не пришел еще час твой, – ответствовала ему Смерть.
- Но я молю тебя, – вскричал молодец, – избавь меня от

страданий, сжался!

– Ну хорошо, – сказала Смерть, – раз уж ты сам пришел ко мне, то быть посему. Но за свою услугу я требую платы.

– Чего же ты хочешь?

– Видишь ли, добрый молодец, нужен мне помощник. Согласен ты служить мне исправно? А уж я тебя не обижу. Сделаю тебя владыкой царства мертвых, и будешь ты оберегать покой душ, что приходят в мои объятия, поддерживать древний порядок вещей. За это я дарую тебе избавление от печалей.

– Я согласен, – молвил юноша робко.

Юноша пришел за смертью, но Смерть сделала его бессмертным, ведь был он настолько прекрасен, что сама *она* полюбила его. И сделался молодец Бессмертным владыкой Царства Мертвых, слугою Смерти, и забыл он истинное имя свое и нарекся с той поры Кошеем.

Да, Смерть одарила его вечной жизнью и властью над подземным миром. Но она обманула его. Тоска его сердца тоже получила жизнь вечную. Ибо даже Смерть не властна над разбитым сердцем. Ни покоя, ни забвения не знал Кошей, и проклинал он Смерть за обман ее и отверг ее любовь. И даже Смерть покинула его в одиночестве, перестала навещать его.

Многие лета правил он одиноко в подземном мире, в тоске и кручине неся свою службу. За годы бессмертной жизни обучился он искусству магии и чародейства в надежде найти способ избавиться от страданий, но ни одно заклятье, ни

одно колдовство не могли исцелить его рану. Он научился обращаться в зверей и птиц, менять обличия и творить иные чародейства.

Тогда стал он искать денно и ночью, где спрятала Смерть погибель и избавление его, ибо точно знал Кощей, что жизнь его вечную хранит и стережет неусыпно где-то его грозная хозяйка.

Часто выбирался он из своего подземного царства в мир людской, принимая то облик ворона, то змея, то дряхлого старца. Был ни жив, ни мертв, а потому мог он под иной личиною бродить меж двумя мирами в поисках избавления.

Но вот однажды, вороном летая по земле людской, очутился он в Тридевятом царстве. И правили в том царстве царь с царицею, и была у них дочка – прекрасная царевна Марья-Моревна.

Увидел Кощей Марью-Моревну, и чудо случилось в тот же миг. Ледяные оковы его сердца растаяли, и Кощей почувствовал, как тепло разливается внутри его бессмертного тела. Любовь вновь овладела им спустя сотни лет.

На сей раз Кощей решил во что бы то ни стало заполучить ту, что даровала чудо любви и избавления и исцелила сердце его от вековой тоски. Он не желал больше знать отказа, а посему не ведал жалости в исполнении своего плана. Обратившись огромным змеем, похитил он Марью-Моревну из дворца, из царства и из-под носа сокрушенных горем родителей.

Принес Кощей пленницу в свое подземное царство, запер на семь замков, и, обернувшись дряхлым старцем, стал он ее неусыпным тюремщиком.

Денно и ночью наблюдал Кощей за Марьей-Моревной, чародейским взором прозревая стены ее темницы. Бледнее ноябрьской луны сделалась дева. Невидящими глазами озидала она покои подземного царства. Томила и тосковала она по солнцу красному, по лугам зеленым, по ветру быстроногому, по дому родному, но более всего по смеху и теплу людскому. Одиночество томило сердце ее, и было оно во сто крат страшнее тьмы и ужаса подземного мира.

Была Марья-Моревна подобна морозному солнечному дню синью глаз своих и белоснежностью кожи. Была она подобна лани быстроногой плавностью движений и хрупкостью стана. Была подобна ручью горному заливистым смехом и веселым нравом. Но стала она мрачнее всех обитателей царства Кощеева.

Увидел это Кощей, и горько сделалось ему. Понял он, что оковами, хитростью, обманом и чародейством не добиться ему любви Марьи-Моревны и не удержать ему в плену ту радость жизни, которой озарила бессмертное сердце его прекрасная дева.

Отпер он двери ее темницы и молвил:

– Отныне можешь ты свободно гулять по всему царству моему, только не должна ты касаться вод реки, что на самом краю его отделяет мои владения от мира людского, а не то

пожалеешь.

Храбрейшей из дев земных была Марья-Моревна, и за то любил ее Кощей. Обернувшись вороном, наблюдал он, как бродила она бесстрашно по угрюмой его стране.

Были в стране Кощеевой и свои луга, на которых цвели большие белые и бледно-желтые цветы. Были сады с диковинными плодами, озера и ручьи, холмы и долины. Но свет в ней отдавал в какую-то диковинную синеву, и кругом стояла необыкновенная тишь. Ни шепота ветра, ни журчания ручья не было слышно во владениях Кощея, и оттого особенно пронзительно звучала иногда доносившаяся откуда-то одинокая песнь соловья. Ни дня, ни ночи не было здесь. Лишь мягкий голубоватый свет, напоминавший чем-то свет луны.

Так проходили дни, но Кощей не решался заговорить со своей пленницей. Не решался он приблизиться к ней и не решался предстать в своем истинном облике. Лишь тихо наблюдал он за Марьей-Моревной, изредка являясь ей издали в образе тощего старца.

Но все грустнее становилась дева в своем одиночестве, все больше чахла она. И вот однажды, когда гуляла Марья-Моревна по подземному царству, набрела она на огромную залу, богато украшенную колоннами, золотом и серебром, драгоценными камнями. Посреди той залы стоял большой трон из черного мрамора. На троне том сидел прекрасный юноша. Он был очень красив и молод, но его черные очи глядели усталостью сотни земных жизней, а бледность кожи де-

лала его похожим на бескровный дух. Словно любопытный вороненок глядел он на Марью-Моревну. Наконец он молвил:

– Ну здравствуй, прекрасная царевна, Марья-Моревна. Взгляни же на меня, дева, в истинном облике моем. Я Кощей, похититель твой и тюремщик.

– Но был ты змеем, был дряхлым старцем, – ахнула Марья-Моревна.

– Был я и вороном, и соловьем, и цветком асфоделевым под ногами твоими. Я вижу, что не любо царство тебе мое. Нет здесь ни живого яркого солнца, ни дыхания ветра, ни журчания ручья, ни земных радостей.

– Но откуда знать тебе, Кощей Бессмертный, о радостях земных? Отчего говоришь ты о них с тоской?

– Оттого, что был я смертным.

И поведал Кощей ей свою историю. Тронула сердце Марьи-Моревны судьба Кощеева. И взглянула она бесстрашно в мягкую тьму очей его, хоть и трепетало сердце ее, словно мотылек.

– Зачем же похитил ты меня, Кощей?

– Одиноко и тоскливо мне в царстве моем, – молвил Кощей.

Больше он ничего не сказал ей.

Горько стало Марье-Моревне от слов его. Но ничего не возразила она Кощею Бессмертному. Лишь тяжело вздохнула девица.

Как ни горько было Марье-Моревне, но все ж беседа с заточителем ее была отрадней горестного сумрачного одиночества.

И стала Марья-Моревна навещать чертог Кощеев каждый неотличимый от ночи день. Страшась опостылевшего ей за дни заточения молчания, она рассказывала ему о днях и радостях земных, о том, что было дороже и отраднее всего сердцу ее в мире людском, о том, что видела сама и о том, что слыхала от людей. Иногда она пела ему песни – потешные и печальные, иногда рассказывала сказки, иногда загадывала загадки.

Поначалу Кощей, казалось, и вовсе не внимал речам ее, но затем заметила царевна, что отрешенность и угрюмость его сменилась на спокойную задумчивость, а потом и вовсе заблестели в его по-птичьи черных очах, точно живые, искорки любопытства. Несколько раз замечала она на его устах тень улыбки, и, сама не зная почему, она улыбалась ему в ответ. А однажды он разразился залиvistым молодецким смехом, эхо которого, казалось, смахнуло пыльную ветошь смерти с деревьев, холмов и плодов подземного царства.

И с ее сердца.

С того дня смотрела Марья на Кощея совсем уж по-иному. Она видела в нем прекрасные, совсем юные черты, хоть и покрытые саваном долгих столетий одиночества. В глазах его блеснул живой огонек, в голосе слышалось биение буйного ручейка, и даже казалось ей иногда, что из-под полот-

няной бледности его кожи стал пробиваться настоящий человеческий румянец.

Он тоже стал рассказывать Марье истории и сказки – все, что он успел узнать за сотни лет своей бессмертной жизни. Они были полны тоски и печали, но царевна слушала их с трепетом, ведь с каждой историей все больше казалось ей, что сердце у Кощея есть – настоящее, живое сердце, и что сердце это доброе.

Марья-Моревна и не поняла, и не заметила, как забыла она о мире людском, об Иване-царевиче, о жизни своей земной. И вместе с тем о тоске своей и кручине. В царстве Кощея было покойно и легко. Ей нравились диковинные сады и холмы с цветочными полянами, глубокие озера с прозрачной водой, странная голубизна света. Но более всего нравился ей хозяин сего царства.

Вскоре научилась она и отличать день от ночи в подземном царстве. Ночью красивые желтые цветы на полянах клонили головы свои ко сну. Марья-Моревна тоже стала спать – спокойно и легко, словно лесная горлица.

Однажды приснился ей сон. Во сне явилась к ней дряхлая старуха в черных лохмотьях. Стала говорить она, что прожила Марья-Моревна пленницей, а затем и гостьей у Кощея уже почти год, а до сих пор не знает царевна имя похитителя и гостеприимным хозяином своего.

«Как же, – думала Марья-Моревна во сне, – имя это каждому известно: Кощей Бессмертный зовут его».

Но старуха не унималась.

– Не знаешь ты, глупая, его *настоящего* имени.

И прошептала старуха ей имя, коим звался Кощей до того, как стал он бессмертным.

Очнулась Марья-Моревна ото сна и подумала: «Зачем же знать мне истинное имя его, коли зову его я Кощею, и он улыбается мне в ответ?» И позабыла она о сне своем.

Долго ли, коротко ли, шли дни. Чудилось Кощею, будто сердце его вдруг забилось, как прежде, что радость вновь поселилась в нем. Не мог он налюбоваться прекрасной царевной и не мог наговориться с ней. Стал он замечать, что очи ее прекрасные глядят на него с добром и пониманием, и тогда чудилось ему, что снова слышит он движение людской крови в своем бессмертном теле. Однако что-то тяготило его.

Кручинился он, что силою привел Марью-царевну в царство свое, что сколь ни мягкой и радостной сделалась улыбка ее, а была она все ж его пленницей. И понял тогда Кощей, что никогда не согреет, не возродит к жизни сердце его любовь, что добыл он коварством и силою.

И вот однажды пришел он к Марье-Моревне и молвил:

– Прекрасная царевна, пришла ты в царство мое как пленница, но стала ты мне дорогою гостьей. Никогда еще не было в чертогах моих дней отраднее, чем те, что провела ты здесь. Но вижу я, что тоскуешь ты по белу свету и красну солнцу, по людям дорогим. А посему отпускаю я тебя, пленницу, из

царства моего. Но помни, что всегда можешь ты вернуться желанною гостьей и всегда можешь уйти своею волею. Никому из смертных не было прежде даровано право сие, но тебя я прошу принять его как дар мой хозяйский.

И отдал Кощей Марье прекрасную белую жемчужину. И строго-настрого наказал ей беречь сей дар, ибо лишь с помощью жемчужины морской могла Марья свободно войти и выйти из страны Кощейевой, что не дано было прежде ни единой смертной душе.

Рассказал Кощей царевне, что путь в страну его лежит через реку, чьих вод не должна касаться рука смертная, ибо ждет ее владельца страшная участь. Лишь жемчужина, что из той реки родом, может открыть Марье-Моревне путь из страны Кощейевой и обратно.

Взяла Марья-Моревна жемчужину дивную, поблагодарила Кощея за доброту его, за гостеприимство, за дарованную ей свободу. Поклонилась она в пояс и пошла к реке, что вела к миру людей.

Подошла Марья к реке, достала жемчужину и тут вдруг увидела, что бредёт к ней по берегу дряхлая старуха. Удивилась Марья, ведь старуха эта была из ее сна. Поклонилась Марья-Моревна старухе в пояс, и тут вдруг почувствовала

она, что падает прямо в холодную речную воду.

Упала Марья-Моревна в реку, и сомкнулись над нею темные воды, а старуха лишь злобно расхохоталась, а затем разогнулась, распрямилась и исчезла, словно ее и не бывало. Ведь была та старуха самой Смертью.

Завидно, горько стало Смерти, что Кощей, которого одарила она вечной жизнью, которому даровала подземный чертог, отверг ее и вновь полюбил смертную деву. Задумала она проучить его, извести Марью-Моревну, и в нужный час прокралась она во сны ее и в час недобрый подстерегла ее на выходе из страны Кошечей.

Почувствовал Кощей неладное, черным вороном примчался на берег мертвой реки, камнем бросился в воды ее и вынес царевну на берег. Но была прекрасная Марья-Моревна белее белого и мертвее мертвого. И вновь боль и тоска сковали сердце Кошечей, и из глаз его черных хлынули горячие молодецкие слезы. Склонился он над мертвой царевной и поцеловал ее бледные уста, что прежде сияли ему улыбкой.

И тут – о диво! – очнулась царевна, открыла ясные очи свои, протянула Кошечю свои теплые тонкие руки, обняла его и поцеловала. Ведь была Любовь Кошечей бессмертной, как и он сам, и кто смог завладеть сердцем его, перед тем сама Смерть отступала.

И вдруг человеческий румянец покрыл щеки его, и глаза его засияли, сердце забилося галопом, и стал он совсем тем юношей, каким пришел в царство Смерти, словно и не было

никогда веков, что прожил он Кощеем.

– Я люблю тебя, – молвила царица, и тут вспомнила она настоящее имя Кощея из своего сна, и так захотелось ей назвать его именем этим, ибо не был он больше похож на хладного Кощея.

Молвила – и тут же начал Кощей-юноша таять и растворяться в воздухе. И сколь ни хватала руками воздух, сколь ни звала Марья-Моревна его, не могла она вернуть любимого своего. Прекрасный молодец растаял и исчез навсегда. Ибо спрятала Смерть жизнь Кощея в истинном имени его. И когда произнесла Марья вслух его, вернулись Кощею все годы его, что был он бессмертным. Так разлучила Смерть Кощея с Марьей и окончательно завладела им. То был коварный замысел ее.

Три дня и три ночи горько плакала Марья-Моревна, не сходя с места, где забрала Смерть ее Кощея. И так велико, так чисто было горе ее, что сама Смерть устыдилась поступка своего и сжалилась на ней.

Спустилась Смерть к Марье белой голубкой, опустилась на плечо ее и молвила человеческим голосом: «Если любишь ты Кощея, то ступай назад, в мир людской, и живи свой срок. А когда придет час твой, то встретишься ты с Кощеем в царстве Смерти, узнаешь его, и уже ничто не сможет разлучить вас по ту сторону реки. Ибо даже Смерть не в силах победить истинную Любовь».

И покинула Марья-Моревна царство Кощея, и Смерть ей

не препятствовала. Воротилась Марья-царевна домой, прожила она долгую и светлую жизнь. Стала скоро она царицею, и не было на свете ни мудрее, ни добрее, ни прекраснее ее. Была жизнь ее радостной и легкой, ибо не страшилась она больше смертного часа своего, но и не ждала его, а знала, что придет он в свой черед, и встретится она со своим возлюбленным, и он будет ждать ее.